

ВЛАСТЬ И ЛЮДИ

POWER AND PEOPLE

Статья/Original article

УДК 236.9, 94

DOI: 10.18413/2312-3044-2026-13-1-34-62

EDN HRJDNO

Народническое «Хождение в народ» 1874 г.: первое крупное политико-эсхатологическое движение в Российской империи.

Часть первая: постановка вопросов

Рокки Т.

Независимый исследователь г. Торонто, Канада

E-mail: tony.rocchi@gmail.com

Аннотация. Народническое «Хождения в народ» 1874 г. являлось первым крупным политико-эсхатологическим движением в Российской империи. Как приверженцы других эсхатологических движений, народники-пропагандисты старались ускорить конец старого ненавистного социально-политического строя и пришествие нового справедливого века. Народническое движение 1870-х гг. содержало многие атрибуты эсхатологической секты со строгим кодексом верований и поведения. Статья является первой из трёх статей об эсхатологических аспектах революционного народничества 1870-х гг. и об элементах эсхатологического мифотворчества в историческом нарративе о движении. Эти статьи являются продолжением нашей серии статей об общих элементах эсхатологического мифотворчества в нарративах о детском крестовом походе 1212 г. и о «Хождении в народ» 1874 г. Историки давно идеализируют историю народников. Главные элементы нарратива включают упор на высокий идеализм и моральную чистоту участников «Хождения в народ» и их преданность делу народного освобождения. Движение потерпело крах и нарративы обычно кончаются со страданиями, мученичеством и разочарованием многих участников в своих

идеалах. Провал «Хождения в народ» имел серьезные последствия для самодержавия, потому что многие «мирные» пропагандисты стали членами террористической организации «Народная воля» в конце 1870-х гг. Народовольцы убили царя Александра II 1 марта 1881 г. Правительственные репрессии против пропагандистов стали основополагающим мифом «Народной воли». Тема статьи имеет актуальность при исследовании процесса радикализации участников в современных экстремистских движениях. Ведь, народники прошли через сложный процесс радикализации.

Ключевые слова: эсхатологические движения в России, народническое «Хождение в народ» 1874 г., революционное народничество, историческое мифотворчество.

Для цитирования: Рокки Т. 2026. Народническое «Хождение в народ» 1874 г.: первое крупное политико-эсхатологическое движение в Российской империи. Часть первая: постановка вопросов. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 13 (1): 34-62. DOI: 10.18413/2312-3044-2026-13-1-34-62.

Copyright: © 2026 Рокки Т. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

The Populist “Going to the People” of 1874: the First Major Political-Eschatological Movement in the Russian Empire. Part 1: Asking the Questions

Tony Rocchi

Independent Researcher, Toronto, Canada

E-mail: tony.rocchi@gmail.com

Abstract. The populist “Going to the People” of 1874 was the first major political-eschatological movement in the Russian Empire. Like other followers of eschatological movements, the populist propagandists tried to hasten the end of the old hateful social-political order and the coming of a new just age. The populist movement of the 1870s contained many attributes of an

eschatological sect with a strict code of beliefs and behavior. This paper is the first of three articles about eschatological aspects of revolutionary populism of the 1870s and about elements of eschatological mythmaking in the historical narrative about the movement. They continue our series of articles about common elements of eschatological mythmaking in the narratives of the Children's Crusade of 1212 and the "Going to the People" in 1874. Historians have long idealized the history of the populists. The major elements of the narrative include emphasis upon the high idealism and moral purity of the participants in the "Going to the People", and their devotion to the cause of the people's liberation. The movement suffered defeat, and the narratives usually end with the sufferings, martyrdom, and disillusionment of many participants in their ideals. The collapse of the "Going to the People" had serious consequences for the autocracy because many "peaceful" propagandists joined the "People's Will" terrorist organization at the end of the 1870s. Members of the "People's Will" assassinated Tsar Alexander II on March 1, 1881. Government repressions against the propagandists became the foundational myth of the "People's Will". The article theme is relevant in studying the process of the radicalization of participants in contemporary extremist movements. After all, the populists went through a complex process of radicalization.

Keywords: eschatological movements in Russia, Populist "Going to the People" of 1874, revolutionary populism, historical mythmaking.

For citation: Rocchi T. 2026. The Populist "Going to the People" of 1874: the First Major Political-Eschatological Movement in the Russian Empire. Part 1: Asking the Questions. *Tractus Aevorum: the evolution of socio-cultural and political spaces*. 13(1): 34-62 (in Russian). DOI: 10.18413/2312-3044-2026-13-1-34-62.

Введение

Народническое «Хождение в народ» в 1874 г. являлось первым крупным политико-эсхатологическим движением в Российской империи. Сотни молодых пропагандистов весной и летом 1874 г. ходили по селам и попытались разжигать крестьянскую революцию. Как приверженцы других религиозных и политических эсхатологических движений, эти молодые мужчины и женщины стремились ускорить конец старого ненавистного социально-политического порядка и пришествие нового справедливого века. «Хождение в народ» потерпело

крах с арестами многих пропагандистов. Хотя эсхатология давно являлась составной частью менталитета радикальной интеллигенции, народники 1870-х гг. впервые поднимали эти хилиастические (эсхатологические) настроения на новый массовый уровень.

Народническое движение 1870-х гг. содержало многие атрибуты эсхатологической секты со строгим кодексом верований и поведения. Как другие адепты хилиастических (эсхатологических) движений, народники разделяли людей на категории спасенных и проклятых и развивали демонизацию о своих внешних и внутренних врагах. Эсхатологический дух левой интеллигенции продолжался вплоть до свержения самодержавия в Февральской революции 1917 г.

Данная статья является первой из трёх статей об эсхатологических аспектах народнического движения 1870-х гг., в том числе, об элементах эсхатологического мифотворчества в его историческом нарративе. Эти статьи являются продолжением нашей серии статей об общих элементах эсхатологического мифотворчества в нарративах о детском крестовом походе 1212 г. и о «Хождении в народ» 1874 г.¹

В этой первой статье будет проведен анализ дореволюционных оценок «Хождения в народ». Российские и зарубежные наблюдатели и исследователи соглашались, что события 1874 г. имели большие религиозные элементы в отличие от чисто политического движения. Некоторые исследователи замечали, что «Хождение в народ» сильно отличалось от революционных движений в современных европейских странах. Статья также включает анализ масштабности народнического похода и правительственных реакций на деятельность пропагандистов. Читая правительственные источники и консервативные истории, создается впечатление, что правительство было застигнуто врасплох событиями 1874 г.

В этих статьях, автор прослеживает не только главные элементы сознательного и подсознательного эсхатологического мифотворчества в нарративе «Хождения в народ», но и как народники стали первой крупной политико-эсхатологической сектой в Российской империи. Народническая политическая секта сосуществовала рядом со старообрядчеством и многими христианскими сектами эсхатологического содержания. Хилиастические и мессианские настроения народников имели разные предпосылки в российских и европейских хилиастических движениях. Можно считать народническое движение своеобразным российским эквивалентом детского крестового похода. Однако, в отличие от краха детского крестового похода, провал «Хождения в народ» имел более серьезные последствия для самодержавия, потому что многие «мирные» пропагандисты стали членами террористической организации «Народная воля» в конце 1870-

¹ Рокки 2025, 64-89.

х гг. Народовольцы убили царя Александра II 1 марта 1881 г. Правительственные репрессии против пропагандистов стали основополагающим оправдывающим мифом «Народной воли». Тема статьи имеет актуальность при исследовании процесса радикализации участников в современных экстремистских и террористических движениях. Народники тоже прошли через сложный процесс радикализации.

Обычный, почти канонический, нарратив о взлете и падении народничества первой половины 1870-х гг. часто описывается разворачивающейся трагедией. Главные компоненты нарратива включают возникновение многочисленных кружков самообразования среди молодежи в начале 1870-х гг., превращение этих кружков в революционные группы, твердую решимость народников избежать аморальные методы С.Г. Нечаева из «Народной расправы» и его тактику, изложенную в пресловутом «Катехизисе революционера», их упор на социальную революцию и отвержение политической революции, считаемой вредной для народа. Нарратив подчеркивает самопожертвование, альтруизм, и смирение народников в отличие от элитарного «просвещенного эгоизма» революционеров 1860-х гг. История продолжается «Хождением в народ» в 1874 г с участием тысяч пропагандистов и сочувствующих, одновременно с попыткам членов других кружков ходить в народ в 1873 и 1875 гг. Потерпело крах «Хождение в народ» в связи с массовыми арестами и долгим предварительным заключением народников, пока правительство определяло их судьбу. Разочаровались многие народники в правоте своего дела, и многие старились найти выход из тупика. Некоторые революционеры обсуждали возможности использования терроризма против предателей, полицейских шпионов и «жестоких чиновников». Завершением нарратива явился процесс 193-х — «Дело о революционной пропаганде в империи» («Большой процесс» или «Процесс-монстр») перед Особым присутствием Правительствующего сената 18 октября 1877 г. — 23 января 1878 г. Чтобы подчеркнуть конец народнического похода с упором на пропаганду, 24 января 1878 г., В.И. Засулич сделала покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Началась первая волна терроризма в России (1878-1894 гг.)².

Иногда в нарративах присутствуют признаки сожаления, что идеалистические пропагандисты против своей воли стали террористами. Однако, авторы часто обвиняют самодержавие в чрезмерной жестокости против своих политических оппонентов.

Оценки народников-пропагандистов поляризованные. Представители правительства, главным образом, из полиции, консервативные и реакционные историки и публицисты,

² Рокки 2025, 74.

демонизировали народников и часто обвиняли эмигрантов и другие «чужие» элементы, особенно поляков и евреев, в организации революционного движения. Современные конспирологи повторяют эти обвинения и добавляют либеральных представителей царской бюрократии и разведывательные службы европейских стран к списку злодеев. На протяжении более 150 лет социалисты, либералы, и многие дореволюционные, советские, постсоветские, и зарубежные исследователи осуждали жестокость самодержавия при разгроме «Хождения в народ». Народовольцы, особенно на судебных процессах, утверждали, что их «красный террор» против самодержавия был лишь ответ на «белый террор» правительства³. По мнениям многих исследователей, народники были виноваты лишь в наивности и чрезмерном идеализме.

Даже в начале XXI в. советский и постсоветский историк Н.А. Троицкий гневно написал: «И в России народовольцы предпочитали мирный путь преобразования страны, когда царизм, «не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу», восстание «окажется излишним» и «тем лучше: собранные силы пойдут тогда на мирную работу». Лишь разгул «белого» террора со стороны царизма вынудил народников обратиться в качестве ответной меры к террору «красному». Смерч правительственных репрессий против мирных пропагандистов 1874-1878 гг. (до 8 тыс. арестованных только в 1874 г.), десятки политических процессов тех лет с приговорами по 10—15 лет каторги за печатное и устное слово, наконец — 16 смертных казней только в 1879 г. за недоказанную «принадлежность к преступному сообществу», «имение у себя» революционных прокламаций, передачу собственных денег в революционную казну и т.д. — все это заставляло прибегать к насилию (хотя бы в целях самозащиты) даже людей, казалось, органически не способных по своим душевным качествам на какое-либо насилие. Вот что сказал об этом со скамьи подсудимых перед оглашением ему смертного приговора народоволец А.А. Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими»⁴.

Получается впечатление что политическая история 1870-х гг. в России изображается многими исследователями грандиозным космическим боем между ангельскими силами народников и демоническими силами самодержавия. Правительство утратило поддержку многих представителей образованного общества и народные массы не участвовали в бурных политических событиях.

Многие исследователи признают религиозные аспекты «Хождения в народ», и некоторые из них называют это явление детским

³ Рокки 2025, 75.

⁴ Троицкий 2001, 120.

крестовым походом. Однако, исследователи, по разным причинам, обычно игнорируют его эсхатологические аспекты. Хотя народники мирно распространяли социалистическую пропаганду среди крестьян, они призывали народ к насильственному низвержению социально-политического строя и к установлению социалистического порядка. Революция, по представлениям народников, включала своеобразный Страшный суд для их оппонентов.

Тема статьи имеет личный интерес для автора. В 1978 г., он защитил свою магистерскую диссертацию по судебной реформе 1864 г. и политическим процессам народников и народовольцев в 1866-1894 гг. Историки обычно прославляют подсудимых за их пламенные речи осуждающие самодержавный строй, но тут мы имеем дело с мифологизированной историей. Часто кажется, что процессы напоминают нам об испытаниях первых христиан, когда они столкнулись со своими преследователями лицом к лицу. Одной из задач диссертации было развенчание элементов мифотворчества в истории революционеров. Автор пришел к выводу что правительственные прокуроры и представители полиции, социалистические подсудимые, и либеральные защитники саботировали реформу через выдвижение своих политических целей на процессах. Кажется, что судебный зал стал полем эсхатологической борьбы правительства, общества в лице адвокатов, и революционеров⁵.

Предмет и методология исследования

«Хождение в народ» имело элементы уникальности в европейской истории. Насколько автору известно, имело место лишь одно крупное революционное «Хождение в народ» в эпоху классических европейских революций между женевской революцией 1768 г. и разгромом Парижской коммуны 1871 г. Мы имеем дело с польским националистическим движением которое имело место, главным образом, в западной Галиции в Австрийской империи на рубеже 1830-1840-х гг., хотя были другие попытки «ходить в польский народ» в прусской Польше, Царстве польском, и западных губерниях России. Революционеры из дворянства (шляхты) и католического духовенства распространяли националистическую и социалистическую пропаганду среди польских крестьян в западной Галиции. Они призывали крестьян восстать против габсбургской династии и установить свободное польское государство. Однако, в феврале, 1846 г., когда революционеры провозгласили восстание, крестьяне предпочитали слушать местных австрийских чиновников, которые обвиняли революционеров в подстрекательстве к бунту против доброго императора. Крестьяне восстали против дворянства и убили сотни помещиков, веря, что они выполняли волю императора, и они надеялись получить панские земли

⁵ Rocchi 1978.

наградой за свою лояльность. В следующей статье будет прослежено, как некоторые хилиастические и мессианские течения в польском движении предшествовали таким же тенденциям в русском «Хождении в народ».

Заметим, что были разные общественно-политические движения в многонациональной и поликонфессиональной Российской империи. Представители политических, религиозных и культурных национальных движений проводили свои собственные «хождения в народ», чтобы пробуждать сознание простого народа. Например, многие молодые евреи, в том числе участники народнического и народовольческого движений, распространяли идеи социализма и сионизма среди своих единомышленников. Можно сказать, что представители всех национальных движений в Европе ходили в народ чтобы пробуждать массовое национальное самосознание⁶.

Трудно формулировать дефиницию народничества. Народничество было доминирующим течением в русском социализме между концом 1840-х и серединой 1890-х гг. Главными идеологами были А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский. Народники соглашались, что русское крестьянство было по своей природе социалистическим. Они считали крестьянскую общину зародышем будущего социалистического общества и верили, что Россия могла миновать капиталистический этап развития. Историки обычно считают 1870-е гг. пиком классического революционного народничества с упором на пропаганду среди крестьянства. Народники 1870-х гг. были анархистами и сторонниками социальной революции. Политическая революция, по их мнению, могла лишь служить интересам эксплуататоров. В конце 1870-х гг. народовольцы выступали за политическую революцию как первый шаг к социалистической революции. Народовольцы утверждали, что они были социалистами и народниками, хотя они отвергали прежний аполитизм⁷.

По мнению американского исследователя Кристофера Дэвида Эли, нельзя ограничить народничество его революционным вариантом. Народничество имело социалистические, анархистские, либеральные, консервативные (например, движение почвенников) и религиозные варианты. Эли предполагал, что народничество имело глубокие социально-экономические корни в разрыве между образованным обществом и простым народом в России. У многих представителей общества возникало понятие о борьбе с правительством за справедливость, чтобы преодолеть разрыв между обществом и народом. Лишь революционное преобразование страны могло приносить всеобщую справедливость и единство русского населения⁸. Народничество в

⁶ Рокки 2025, 69.

⁷ Там же, 75.

⁸ Ely 2022, 1-3.

широчайшем смысле, по мнению Эли, было средством инкапсулирования общей картины надежд, идей, интересов и тревоги образованного общества⁹. Другими словами, народничество было интеллигентским движением, а не народным. Заметим, что народники всех тенденций обожествляли крестьянство и считали его избранным народом или коллективным мессией для превращения России в рай на земле.

Предполагается, что все варианты народничества признали мессианскую роль России в установлении первого истинного справедливого царства в мире, в отличие от ложных и грешных порядков в европейских странах. Такие мессианские представления о русском народе и о России подчеркивают эсхатологические компоненты народничества.

Тема иногда усложняется из-за споров исследователей о месте народников 1870-х гг. в истории революционного движения. Иногда создается впечатление, что народничество 1870-х гг. существовало в изоляции от начального этапа терроризма в поздних 1860-х гг. и первой волны терроризма в 1878-1894 гг., хотя все эти этапы революционного движения были органически связаны.

Игнорирование этих органических связей утверждает миф о мирных пропагандистах, принудительно обращенных правительственными репрессиями в террористов. Бывший венгерский коммунист Тибор Самуэли, острый критик революционной интеллигенции, написал, что народники в начале 1870-х гг. нарушали многие революционные традиции, начатые декабристами и революционерами 1860-х гг. Народники не соблюдали уже установленные традиции организованных заговоров, элитарного руководства политической деятельностью, враждебности к либерализму и конституционализму. Однако, когда народники пережили крушение «Хождения в народ», они скоро поддались старым страхам о конституционализме, либерализме и капитализме, и решили, что лишь через планирование, организацию, дисциплину, обман и насилие будет возможно уничтожить силы правительства и эксплуататорских классов¹⁰. Однако, нельзя считать участников «Хождения в народ» противниками революционного насилия и апостолами всеобщего примирения. Народники никогда не отрекались от идеи насильственной революции и от враждебности к конституционализму и либерализму.

Некоторые исследователи замечают, что события 1874 г. иногда содержали элементы детского крестового похода или паломничества, но они обычно игнорируют или недооценивают эсхатологические аспекты событий. Члены кружков установили строгие нормы верований и правильного поведения. Что-то похожее на религиозное обращение

⁹ Ibid., 3-4.

¹⁰ Szamuely 1988, 388.

произошло, когда мужчина или женщина решили стать революционером. Народники превращали крестьянство в коллективного мессию, и считали себя избранными спасителями народа. Как члены радикальной интеллигенции, народники добровольно становились отщепенцами или маргиналами из-за их оппозиции правительству и социальному строю и отказа от традиционных общественных ценностей.

Можно сказать, что народники сознательно или подсознательно имитировали деятельность европейских и российских античных, средневековых, и современных эсхатологических движений. Многие революционеры уважали Иисуса Христа и первых христиан и считали себя потомками преследованных первых христиан. Часто они считали старообрядцев и сектантов союзниками в революционной борьбе и старались распространять пропаганду среди них. Народническая пропаганда для крестьян часто содержала тексты из евангелия, чтобы доказать, что Иисус был первым социалистом. Некоторые народники попытались создать новую религию или новый вариант христианства для предстоящего нового века. Как другие адепты хилиастических движений, были те, которые пытались жить так, как будто новый век уже наступил в России. Среди них были члены коммунитарного движения.

Заметим, что процветание революционного народничества совпадало с усилением старообрядчества и традиционных сект рядом с возникновением новых сект в пореформенной Российской империи. Среди старообрядцев и сектантов были много приверженцев эсхатологических учений. Очень редко исследуется совпадение народничества и религиозного диссидентства.

Предполагается, что «Хождение в народ» ознаменовало первое крупное столкновение между народническим эсхатологическим видением о социалистической революции и массовым крестьянским эсхатологическим представлением о предстоящем царском «черном переделе» земли. Концепция о столкновении разных эсхатологических видений обычно не исследуется ни в советской и российской, ни в зарубежной историографии.

Результаты и их обсуждение

Политическое или религиозное движение?: дореволюционные оценки «Хождения в народ»

Некоторые дореволюционные исследователи, начиная в 1880-х гг., заметили, что разные аспекты «Хождения в народ» не имели

параллелей в истории классических европейских революций 1768-1871 гг. События в России имели место на фоне революционного брожения в Европе. Все европейские правительства устремились размахом революционного брожения и насилия. Российское правительство боялось влияния Парижской коммуны и Международной рабочей ассоциации (Первого Интернационала) на своих собственных революционеров, особенно на эмигрантов, на российских студентов и студенток, обучавших в европейских университетах. Многие эмигранты участвовали в деятельности Интернационала и коммуны и считалось, что они вносили свой вклад в международное революционное движение. Часто представители правительства и правые публицисты обвиняли эмигрантов в разжигании революционного движения в России. Однако, «Хождение в народ» сильно отличалось от прошлых и настоящих европейских революционных движений. Складывается представление, что некоторые современные наблюдатели описали возникновение новой религиозной секты с эсхатологическим содержанием.

Первые исследователи народничества в 1880-х гг. уже заметили некоторые особенности «Хождения в народ». В 1883 г. в книге «Подпольная Россия» С.М. Степняк-Кравчинский — участник «Хождения в народ», балканских войнах и революционной деятельности в Италии, убийца шефа жандармов Н.В. Мезенцева в 1878 г. — познакомил европейских и американских читателей с революционным движением. Он описал «Хождение в народ» как крестовый поход. «Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения. ... Но это благородное движение не выдержало и не могло выдержать столкновения с грубой и суровой действительностью»¹¹. Кажется, что пропагандисты искали прощение грехов за свое привилегированное происхождение, преобразование и спасение своих душ. Грубая и суровая действительность включала не только правительственные репрессии, но также и отвержение крестьянами народнической пропаганды.

С.М. Степняк-Кравчинский заметил, что ожидания пропагандистов предстоящей революции имели элементы сходства с ожиданиями средневековых религиозных движений предстоящего конца света. «Пропагандисты ничего не хотели для себя. Они были чистейшим олицетворением самоотверженности. Но это были люди слишком неподходящие для предстоявшей страшной борьбы. Тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорее религиозными, чем революционными

¹¹ Степняк-Кравчинский 1987, 21.

движениями. Социализм был его верой, народ — его божеством. Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня завтра произойдет революция, подобно тому, как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда»¹². Ясно, что речь идет о хилиастических ожиданиях конца старого мира и пришествия нового века.

Одновременно с правительственными репрессиями, пропагандисты переживали «жестокий удар этой восторженной вере, показавши ему его бога, каков он есть, а не каким он рисовался его воображению»¹³. Другими словами, крестьяне, которых они встретили, не соответствовали идеализированному и обожествленному образу крестьян в книгах и пропагандистских листовках.

По мнению Степняка-Кравчинского, несмотря на разочарование в крестьянстве, как революционной силе, народники продолжали идти по пути мученичества. «По-прежнему он (пропагандист) готов был на жертвы; но ему недоставало уже ни прежнего неудержимого пыла, ни прежней жажды борьбы. После первого разочарования он потерял всякую надежду на победу, и если еще желал венца, то это был венец из терний, а не из лавров. Подобно христианину первых веков, он шел на муки с ясностью во взоре и выносил их с полным спокойствием духа — даже с наслаждением, так как знал, что страдает за свою веру. Он был полон любви и ни к кому не питал ненависти, не исключая даже своих палачей»¹⁴. Трудно думать, что народники могли или хотели имитировать смирение Иисуса Христа и первых христиан в отношениях с их врагами. Заметим, что Кравчинский старался показать иностранным читателям, как мирные пропагандисты могли стать террористами. Он осуждал жестокость правительства в подавлении «Хождения в народ».

Степняк-Кравчинский писал, что самодержавие несло ответственность за превращение пропагандистов в террористов. «Но что же это за правительство, которое так нагло издевается над законами страны, которое не опирается и не желает опираться ни на народ, ни на общество, ни на какой-нибудь отдельный класс, ни даже на им самим созданные законы? Что представляет оно, как не воплощение грубой силы? Против подобного правительства все дозвоительно. Оно уже является не выразителем воли большинства, а организованным произволом. На уважение оно может претендовать не больше, чем шайка придорожных разбойников, которые бьют, грабят и режут, пока на их стороне сила»¹⁵. Тут все главные лейтмотивы народовольческого основополагающего мифа о «красном терроре» как ответе «белому террору» правительства. Благодаря заявлениям Степняка-

¹² Степняк-Кравчинский 1987, 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, 24-25.

¹⁵ Степняк-Кравчинский 1987, 33.

Кравчинского, других публицистов и друзей русской свободы, многие европейские и американские социалисты и либералы, которые были противниками терроризма в своих собственных странах, считали терроризм в России легитимным средством борьбы против самодержавного деспотизма.

В 1883 г. германский историк Альфонс Тун опубликовал свою монографию о революционном движении в России в царствование Александра II. Тун подчеркивал возрастную и умственную незрелость молодых пропагандистов. Он писал: «социалисты были еще слишком молоды и слишком большие энтузиасты. В движение бросилось множество еще неподготовленных лиц обоего пола, едва вышедших из детского возраста. Они переоценивали свои силы и идеализировали крестьянина»¹⁶.

Тун признал, что энтузиазм был свойственным молодежи везде, но он подчеркнул, что русская молодежь нашла своих революционных наставников в эмиграции и Западной Европе и источники истинных доктрин в анархизме и германской социал-демократии. Он иронично заметил, что молодые враги всех авторитетов так легко нашли новых авторитетов. «Стоит также обратить внимание и на то обстоятельство, что эти юноши-социалисты, объявившие все существующее подлежащим разрушению и не хотевшие признавать никаких авторитетов, теперь сами поддались влиянию догм и смотрели на известных личностей, как на пророков, доказывая этим, что молодежь вообще, а также и весь русский народ, еще нуждались тогда в авторитетах»¹⁷. Ради справедливости, заметим, что Тун наблюдал поведение революционеров лишь между 1855-1881 гг. Увлечение революционеров самыми последними модными европейскими теориями и их обожание новых авторитетов продолжались вплоть до 1917 г.

О «Хождении в народ» Тун заключил; «отсюда видно, что «хождение в народ» было скорее паломничеством к святым местам народной жизни со стороны верующих мужчин, женщин и детей, чем серьезно продуманным делом сознательной и организованной революционной партии. Анархический социализм остался таким же чуждым для крестьян, как и для многих социалистов; он (анархизм) отскакивал от сознания народной массы, потому что не имел связи с историческим развитием страны»¹⁸. Кажется, что Тун считал «Хождение в народ» своеобразным обреченным крестовым походом невежественных заблуждающихся детей.

Однако, особенности российских событий заставляли Туна объяснять европейским читателям, почему многие представители общества поддерживали революционеров. Он правильно написал: «отсюда же, спросят нас, взялась эта широкая симпатия общества?

¹⁶ Тун 1917, 94.

¹⁷ Там же, 84.

¹⁸ Тун 1917, 97-98.

Почему буржуа помогали социалистам, которые стремились подорвать условия их социального существования? Несомненно, что это объяснялось такою степенью озлобления общества против правительства, при которой оно готово было поддерживать всех его врагов, чтобы только проявить свою оппозицию. При подобных условиях очень трудно провести границу между активным и пассивным участием в движении»¹⁹.

Тун понимал различия обществ в России и в Европе. Да, 1870-х гг. включали в себя не только разочарования народников в своих идеалах, но и разочарования определенных слоев общества в своих представлениях о правительстве. Кажется, что либералы разочаровались в приверженности правительства своим собственным реформам, и консерваторы разочаровались в способности реформ гарантировать стабильность²⁰.

Французский историк и публицист Анатоль Леруа-Больё подчеркнул широкий размах революционного и оппозиционного брожения в российском обществе и что массовые антиправительственные настроения в образованном обществе не имели эквивалентов в европейских странах²¹. Однако, Леруа-Больё считал, что встречи между пропагандистами и крестьянами демонстрировали большой долгосрочный разрыв между обществом и народом. Крестьяне были равнодушными или враждебными к социалистическим учениям народников. По мнению Леруа-Больё, «есть в государстве две нации почти так же разные, как если бы одна была завоевана другой, две России, почти так же странны друг для друга, как если бы они были разделены по расе, языку, религии»²². Народники провозглашали, что они действовали во имя народа, но среди крестьян, революционеры действовали как миссионеры на далеких берегах, и крестьяне совсем не понимали евангелие пропагандистов²³.

По мнению Леруа-Больё, самое главное препятствие на пути к революции «заключается главным образом в способности низших классов к почитанию, в их почти одинаково религиозном почтении личности императора и божественного закона. Игнорируя эту особенность, нигилисты часто работают неправильно с народом, и это объясняет малый успех, который они имели». Правильно понял Леруа-Больё сущность самодержавного строя: «Можно сказать, что во многих отношениях престол — краеугольный камень всего общественного порядка. Вот почему революционеры направляют все удары против престола...²⁴ Всё распадется с престолом, потому что всё в России

¹⁹ Там же, 92-93.

²⁰ Rocchi 2025, 83.

²¹ Leroy-Beaulieu 1894, 486.

²² Ibid, 493.

²³ Ibid, 493-494.

²⁴ Leroy-Beaulieu 1894, 504.

зависит от престола». Вот почему народовольцы выбрали «удар по центру» — цареубийство главной тактикой для революции.

Леруа-Больё дал необыкновенную интерпретацию о последствиях провала народнического похода. «Это может показаться парадоксом, однако это правда, выявившаяся фактами и открытиями нескольких политических судебных процессов. Нигилизм вступил в борьбу с самодержавием только в тот день, когда его социалистическая пропаганда была остановлена. Как и крестьяне, многие «новые люди» (пропагандисты) хотели бы, чтобы царь лично осуществил их мечты. Только когда они увидели, что престол не только не будет оставаться нейтральным, но и преисполнен решимости подавить их проповеди среди народа, они решили направить свои удары против властей»²⁵.

Итак, Леруа-Больё предполагал, что массовые аресты пропагандистов лишили их царских иллюзий. Были революционеры, которые мечтали о коронованном революционере в лице Александра II, но такая мечта относится скорее всего к началу его царствования. Народники лишь надеялись, чтобы правительство осталась нейтральным в борьбе между народом и эксплуататорами. Продолжая Леруа-Больё утверждал, что «эти судебные процессы сурово отвернули социалистов от их мечты — провести мирную социальную реформу, проповедуя под унылыми глазами самодержавие. Имперское правительство не только отказало им в привилегии, которую оно действительно никогда никому не предоставляло, оно проявляло по отношению к ним такую жесткость, которую не могла превзойти ни одно из самых буржуазных западных государств. Эти люди, которые сначала, казалось бы, приняли в качестве своей модели апостольство религии мира, внезапно искали своего вдохновения в примерах языческой античности и революционных традициях, озлобленные суровыми и иногда незаконными процедурами, часто чрезмерными наказаниями, они решили прибегнуть к силе, перейти от слов к делу, и для них действия могли означать только убийство»²⁶. По мнению Леруа-Больё, самодержавие превращало мирных пропагандистов в террористов.

Однако, очень трудно согласиться с французским ученым, что разгром «Хождения в народ» лишил народников своих царских иллюзий, и что они признали, что их идол в лице царя, как и идол народа, имел глиняные ноги. Двойное разочарование народников содержит все элементы эсхатологической трагедии.

Крупный идеолог народничества П.А. Лавров подчеркнул религиозные аспекты «Хождения в народ». Примерно 20 лет после событий 1874 г., он написал: «Народнический социализм начала 70-х годов стал как бы светскою религией; он бросил в народ тех страстных

²⁵ Ibid, 509.

²⁶ Ibid, 511.

"искателей истины", о которых пришлось упомянуть и ренегату, готовившемуся отречься от своих вчерашних верований (бывший народоволец и потом апологет самодержавия Л.А. Тихомиров) тех "апостолов" нового светского евангелия, которые изумили мир»²⁷.

Замечания Лаврова о народниках представляют определенный интерес, потому что многие народники считали Лаврова слишком умеренным по тактическим вопросам. Дело в том, что исследователи часто подчеркивают различие среди народников между «бакунистами» — сторонниками М.А. Бакунина, выступающими за подстрекательство немедленной революции (Бакунин считал крестьян всегда готовыми к революции), и «лавристами», сторонниками П.Л. Лаврова, выступающими за долгий период подготовительной пропаганды среди крестьян о необходимости революции. Читая Лаврова, получается представление, что его замечания о народничестве 1870-х гг. были проникнуты большим эсхатологическим содержанием. Он подчеркнул, что народники воевали одновременно на несколько фронтов против внешних и внутренних врагов.

По мнению Лавров, народники-пропагандисты не только сталкивались с правительственными репрессиями. Общество было полно врагов. Приходилось бороться и с обществом, проникнутым вредными привычками мысли и жизни и трусостью за свои интересы, за свою шкуру. Сами революционеры имели свои внутренние недостатки — «приходилось бороться и с собственной неподготовленностью, с собственным отсутствием героических традиций, с собственными "рабскими привычками"»²⁸. Осуждение Лавровым недостатков народников объясняет то, что революционеры были жертвами первородного греха из-за их социального происхождения и неспособности к революционному действию. Как и израильтяне, народники были обречены бродить в пустыне, потому что они были недостойны войти в обетованную землю социализма.

Жестокое осуждение Лавровым либералов и умеренных радикалов не оставляют сомнений, что он умел рассуждать по эсхатологическим концепциям об особенной опасности внутренних врагов. По мнению Лаврова, либералы были негодяями, «русская либеральная партия, надежда наших умеренных легалистов, не имеет никакой энергии для борьбы... она никогда не в состоянии не только отстаивать у абсолютизма какие-либо "свободные права", которые России дать не хотят, но даже не в состоянии постоять за права легально-данные, но которые подвергнуты на каждом шагу осмеянию и поруганию. Она вечно будет вздыхать и ворчать втихомолку... вечно будет целовать руку палачей России и никогда не решится на какую-нибудь решительную, рискованную борьбу»²⁹.

²⁷ Лавров 1907, 393. Лавров впервые опубликовал свою книгу в Женеве в 1895 г.

²⁸ Там же, 393.

²⁹ Лавров 1907, 118.

Еще хуже, по мнению Лаврова, были либералы, выступающие за союз с консерваторами. «Вы фатально приходите к союзу с консервативными элементами, к противодействию собственным вашим либеральным, патриотическим, филантропическим стремлениям. Вы становитесь опорами кулачества, инициаторами окончательного разорения России. Вы сами вызываете, с одной стороны, раздражение все более обездоленных масс, с другой стороны, возмущение в ваших более свежих, более молодых, менее рутинных товарищах. Вы сами подготавливаете в массах почву для проповеди социальной революции; сами бросаете в ее ряды молодежь, с отвращением разглядывающую ваше бессилие и ваше фатальное отступничество от лучших девизов старого либерального знамени. И вы еще надеетесь этими жалкими средствами бороться зараз против абсолютизма и против энергического напора социалистов»³⁰.

Брань Лаврова в адрес либералов показывает ненависть его к либералам всех мастей, потому что он считал их опасными врагами. Не менее опасны были те радикалы, которые предпочитали работать мирно и легально среди крестьянства. Без сомнения, Лавров имел в виду людей, работающих в земствах. «Те личности из русской интеллигенции, которые признают существующее правительство и готовы содействовать ему в его “реформах”, становятся в ряды врагов народа, которые всегда несли народу гибель и бедствия, не могут принести ему ничего другого, если бы даже хотели, но не могут и хотят добра народу, потому что самое существование их возможно лишь при постоянной эксплуатации народа. На каждом, кто вступает искренно в среду государственной администрации, лежит доля ответственности за тот яд, которым русское правительство отравляет все сферы народной жизни, доля ответственности за страдание, за вырождение, за вымирание народа русского»³¹. Итак, Лавров исключил целые категории людей из рядов спасенных и поместил их в ряды проклятых. Лавров вполне освоил эсхатологический образ мышления о космической борьбе между ангельскими и демоническими силами, и он подчеркнул опасность искушений от внутренних врагов.

Для консерваторов и реакционеров «Хождение в народ» представлялось массовым наступлением против правительства, общества, семьи, религии, морали и собственности. Читая правительственные источники и консервативные истории, складывается впечатление, что правительство было застигнуто врасплох событиями 1874 г. С.С. Татищев, бывший дипломат и биограф царя Александра II, пытался объяснить страшную масштабность распространения социализма в России и правильно описал состав революционеров. «Между тем, проповедь социализма продолжалась в

³⁰ Там же, 118-119.

³¹ Там же, 106.

среде русской молодежи непрерывно и почти беспрепятственно; с каждым днем увеличивалось число его убежденных сторонников. Набирались они преимущественно среди воспитанников учебных заведений, высших и средних, но в числе их были люди более возмужалые: офицеры разных родов оружия, в особенности артиллеристы и инженеры, землевладельцы, педагоги, врачи и, сверх того, большое число девушек и женщин»³². Татищев, имея доступ к правительственным документам, заметил главную угрозу от революционеров, что несмотря на различия во взгляды, члены многочисленных революционных кружков стремились преобразовать на социалистических началах политический и общественный строй. Не только размах революционного движения испугал правительство, но и сочувствие общества к революционерам, и непонимание высшими сановниками и даже многими министрами степени угрозы стабильности России³³.

Несмотря на свой гнев по поводу масштабности демонического заговора против основ российского государства, Татищев подчеркнул лояльность крестьян престолу в 1874 г. «Освобожденные царскою волею, наделенные землею, крестьяне оставались глухи к разглагольствованиям об уничтожении собственности вообще и в частности — поземельной; к пропагандистам относились не только с недоверием и подозрительностью, но и прямо враждебно, отвергая раздаваемые им книжки, задерживая проповедников и выдавая их властям»³⁴. Интересно заметить, что Татищев не упомянул широкое крестьянское представление о предстоящем царском черном переделе земли. Использование слова «разглагольствования» для пропаганды социализма, предполагает, что народники занимались тирадами или напыщенными словами среди крестьян. В этом смысле, по мнению Татищева, лояльные крестьяне считали пропагандистов сумасшедшими.

Бывший народоволец и либеральный деятель В.Я. Богучарский обильно использовал религиозную терминологию в своей монографии о народничестве в 1870-х гг. В начале монографии, он написал своеобразный символ веры или список заповедей народничества.

«Всеопределяющий, всепроникающий лозунг движения русской активной интеллигенции семидесятых годов гласил: “В народ!” Зачем, для чего — “В народ!”

Надо идти в народ, чтобы учить его.

Надо идти в народ, чтобы учиться у него.

Надо идти в народ, чтобы ознакомиться с ним, узнать на его месте его нужды и потребности.

Надо идти в народ, чтобы на себе самом испытать все его страдания.

³² Татищев 1903, Том 2, 588.

³³ Там же, 595.

³⁴ Там же, 590.

Надо идти в народ, чтобы слиться с ним и тем приобрести его доверие.

Надо идти в народ, чтобы разъяснить ему весь ужас его положения.

Надо идти в народ чтобы довести его сознания лучшего справедливого социального строя и необходимости бороться за этот строй.

Надо идти в народ, чтобы разжечь существующие в нем революционные страсти и тем возбудить его немедленно же ко всеобщему восстанию»³⁵.

По мнению Богучарского, народники считали народ источником истины и вечных ценностей. Хотя революционеры были призваны служить народу и слиться с ним, они должны пробудить народное сознание и призывать крестьян к революции для низвержения старого строя и установления нового справедливого порядка. Следовательно, народники стали избранными спасителями народа. Предполагается, что Богучарский возвысил народ и интеллигенцию на уровень мессий — народ как мессия русской земли и интеллигенция как мессия народа.

По мнению Богучарского, народники стремились к созданию нового человечества. «Различны были непосредственные цели движения "в народ", но все они исходили из одной общей предпосылки: Отречемся от старого мира Отряхнем его прах с наших ног (слова русского варианта Марсельезы) ... Этот "старый мир" подлежал самой коренной перестройке от фундамента, до всех высящихся над ним "надстроек", а там, где-то на горизонте, выступали уже, казалось, и абрисы "будущего общества" с его "солнцем правды и братства людей", с слиянием всех народов "в вольном царстве святого труда"»³⁶.

Пропагандисты мечтали о слиянии интеллигенции с народом и о слиянии всех народов в вольном царстве труда. Как пророчествовал Апостол Павел, все различия между людьми должны стираться: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание к Галатам: 3: 28).

Богучарский подчеркнул обреченность «Хождения в народ», но народники совсем не могли отрекаться от своей веры в народ. «Мы говорим вот что: объективно, несомненно, что все народническое движение семидесятых годов было обречено на гибель вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа, полной невосприимчивости крестьянства к этим идеям (слушали, как слушают "занятную сказку"), но сами народники субъективно были и после похода 1874 года бесконечно далеки от признания этой истины»³⁷.

³⁵ Богучарский 1912, 1.

³⁶ Там же, 1-2.

³⁷ Богучарский 1912, 199.

По мнению Богучарского, лишь правительственные преследования помешали революционерам отказаться от своих иллюзий о народе. «Эти преследования продлили народническую веру в народ еще на несколько лет, не взирая на весь поучительный опыт 1874 года, громко говоривший о том, что «социалистичности» и «революционности» в крестьянской массе нет и следа. Волей или неволей, но при таких условиях для желающих жить и работать в крестьянской среде народников ничего другого, кроме культурной деятельности, и не оставалось»³⁸. Кажется, что легче было народникам обвинять правительство в крахе «Хождения в народ», чем признаться в ошибочности своих идеологических иллюзий. Богучарский считал народническое движение 1870-х гг. политико-эсхатологическим движением и подчеркнул мессианские аспекты движения. Может быть, только по истечении почти 40 лет Богучарский сумел признать, что как правительственные репрессии, так и ошибочная революционная идеология были двумя основными факторами, способствовавшими краху «Хождения в народ».

Дореволюционные исследователи в общем признали уникальность «Хождения в народ» в истории европейских революционных движений. Хотя они писали о влиянии Первого Интернационала и Парижской коммуны на русских революционеров, тем не менее, они замечали большие элементы русской самобытности в революционных настроениях и тактиках в России. Часто дореволюционные историки и публицисты замечали, что «Хождение в народ» имело элементы крестового похода или паломничества.

Масштабность движения революционного народничества и его общественного резонанса: реакции правительства

«Хождение в народ» было первым крупным революционным движением в пореформенной Российской империи. Представители правительства имели свои собственные интерпретации событий начала 1870-х и часто выражали изумление и страх от масштабности революционной активности и от общественного сочувствия революционерам.

Статистика масштабности революционного движения варьируется. По данным второго тома «Биобиблиографического словаря деятелей революционного движения в России от предшественников декабристов до дней падения царизма», мы имеем биографические данные о 5664 революционерах 1870-х гг., подвергшихся политическим

³⁸ Там же, 203.

репрессиям. Репрессии включали аресты, судебное и административное преследование, обыски, исключение из учебных заведений, установление гласного и негласного надзора³⁹. Можно говорить, что участники народнического движения включали многих вузовских студентов, учеников средних школ, женщин и девушек, офицеров, представителей различных профессий, этнических и религиозных меньшинств и выходцев из других социальных групп. Доля крестьян и рабочих была мала. По подсчетам советского исследователя В.С. Антонова, данные «Словаря» показывают, что в 70-е годы одни только учащиеся составляли больше 50 % участников движения, а вместе с лицами интеллигентных профессий — 60 %⁴⁰. Движение революционного народничества в начале 1870-х гг. было, главным образом, молодежным, сверх всего, интеллигентским движением.

Трудно подчитать число арестованных пропагандистов. П.А. Кропоткин, будущий идеолог международного анархизма, предположил, что примерно в 1873-1875 гг. в движении участвовало от 2000 до 3000 человек; кроме того, в два или три раза больше было сочувствующих (от 4000 до 9000) и помогающих революционерам⁴¹. Трудно определить степень сочувствия или помощи участникам «Хождения в народ». Граф К.К. Пален, министр юстиции, написал, что дознания раскрыли революционную пропаганду в 37 губерниях. Всех привлеченных в качестве обвиняемых к общеимперскому дознанию, произведенному в этих губерниях — 770, из них мужчин — 612, женщин — 158⁴².

Н.А. Троицкий дал самые большие оценки масштаба народнического движения в первой половине 1870-х гг. Он подчеркнул, что народническая пропаганда охватывала многие губернии. «Размах «Хождения в народ» 1874 г. был для России беспрецедентным. По данным министерства юстиции, «хождение» захватило 37 губерний. К ним надо прибавить 4 губернии, которые дополнительно названы в документах царского сыска, а также еще 10 губерний, где факт «хождения в народ», не раскрытый жандармами, установили советские историки. Итого, «Хождением» 1874 г. были охвачены 51 губерния Российской империи!»⁴³ Троицкий цитировал полицейские источники о 4000 арестах лишь в 26 губерниях в 1874 г. и о 8000 арестах по всей

³⁹ Антонов 1965, 337-338.

⁴⁰ Там же, 338.

⁴¹ Итенберг, 1965, 373-374.

⁴² Пален 1875, 53. Пален написал эту записку конфиденциальным меморандумом правительству чтобы докладывать о первых выводах жандармского дознания по делу о массовой революционной пропаганде в 1874 г. Кто-нибудь достал документ и передал его эмигрантам. Эмигрантская газета «Работник» опубликовала записку Палена в 1875 г.

⁴³ Троицкий 2002, 156.

империи⁴⁴. Он предполагал, что 200 революционных кружков существовали на пространстве 51 губерний, охваченных пропагандой⁴⁵.

Ради справедливости заметим, что Троицкий был подвергнут жесткой критике многими советскими историками, особенно из Группы по изучению Первой революционной ситуации в России, за якобы идеализацию народничества и народовольчества. Предполагается, что Троицкий перекомпенсировал в своих попытках реабилитировать народничество и народовольчество после снятия сталинского запрета на исследование этих политических движений.

Бросается в глаза описание Троицкого масштабы народнического движения. Женщины принимали беспрецедентное участие в движении по сравнению с революционным движением 1860-х гг. Расширилось участие молодежи и разночинцев, хотя многие представители дворянства продолжали примыкать к радикальным движениям. Он подчеркнул, что многие представители этнических и религиозных меньшинств, в том числе более 1000 поляков, примкнули к движению и превращали русское народничество в общероссийское движение. Троицкий подробно описал деятельность революционной эмиграции, участие многих эмигрантов в Первом Интернационале и Парижской коммуне, установление революционных связей с радикалами во многих странах, контакты с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, большое влияние народников на революционные движения в балканских странах⁴⁶. Ясно, что в отличие от других историков, подчеркивающих особые русские элементы народничества, Троицкий предпочитал подчеркнуть, что народничество было составной частью общеевропейского революционного движения. Однако, Троицкий сохранял свой почти канонический нарратив о народничестве и народовольчестве до и после распада Советского Союза, особенно когда постсоветские исследователи начали прослеживать и подчеркивать темные страницы истории этих движений.

Заметим, что размах «Хождения в народ» и общественное сочувствие революционеров сильно устроили представителей правительства. Чувства смущения и изумления мощно звучат в записке Палена об успехах революционной пропаганды. Пален попытался установить общественные условия, способствующие широкому размаху революционной пропаганды в «столь прискорбных проявлениях».

Министр юстиции подробно описал возникновение кружков самообразования среди молодежи и их превращение в революционные группы, связи между кружками и с эмиграцией, деятельность пропагандистов в 1874 г. Пропагандисты стремились к разрушению существующего, и, по мнению Палена, они имели гибкую тактику

⁴⁴ Там же, 157.

⁴⁵ Там же, 118.

⁴⁶ Троицкий 1976, 46-54.

привлечения новых adeptов: «отнюдь нельзя ограничиться революционной пропагандой исключительно лишь в среде простого народа, а следует каждому революционеру действовать в той среде, где он находится — независимо оттого, будет ли сфера простого рабочего, солдата, мастерового, или же, учителя, акушерки, врача, вообще, государственной службе»⁴⁷.

Как конспиролог Аббат Огюстин Баррюэль описал в 1797-1798 гг. коварный заговор франкмасонов, философов, и иллюминатов накануне Французской революции⁴⁸, так Пален описал большой разветвленный заговор против основ российского государство и общества. «Таким образом, в начале 1874 г. деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества. Обладая достаточной энергией и кое-какими материальными средствами, они не останавливаются ни перед чем, не стесняются никакими условиями и препятствиями, организуют постоянные между собой сношения, причем весьма искусно затемняют их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами, весьма быстро проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, семинарии, гимназии и сельские народные школы; совращают молодежь не только путем распространяемых книг и устной пропаганды, но и путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками, и к концу 1874 г. успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях»⁴⁹. Интересно заметить, что Пален обвинял революционеров в использовании «услуг» молодых женщин и девушек в очаровании и развращении молодых мужчин. Тема «женщин особого назначения» имела долгую историю в «антиинигилистических» романах и в распространении конспирологических фантазий, вроде «польской интриги» в 1860-х гг. Такое повторение стереотипов о революционерах усилило правительственные обвинения против революционеров в попытках подорвать все священные основы государства и общества.

Пален возмущался многочисленными случаями, когда родители помогали своим революционным детям, и министр подчеркнул, что такие родители и другие представители общества совсем не понимали, что их преступная деятельность будет причиной гибели общества и их самих. Сердитый министр написал, как пропагандисты легко проникали в разные общественные слои и получали сочувствие и поддержку. Он подчеркнул, что успехи пропагандистов зависят сколько от их собственных усилий и деятельности, столько же и от той легкости,

⁴⁷ Пален 1875, 52.

⁴⁸ Barruel 1797-1798.

⁴⁹ Пален 1875, 52.

с которой их проникают в разные слои общества и от того сочувствия, которое они встречают⁵⁰.

По мнению Палена, представители образованного общества, особенно родители революционеров, были виноваты в недостаточном сопротивлении разрушительным идеям социалистов. «Быстрые успехи пропаганды должны быть приписаны как тому, что деятельность агитаторов не встречала довольно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета в значении и цели этих преступных стремлений, до сих пор относилась к ним с апатией, равнодушием, а иногда даже с сочувствием, так в особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора в той среде, где она растет и развивается, ибо те нравственные основы воспитания, которые может дать только семья, по-видимому вовсе не развиты у многих из этих молодых людей, не обладающих при поступлении в школу никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности»⁵¹.

Читая замечания Палена о родителях свободных взглядов, автор воспоминал 1960-х гг. в Америке, когда консервативные американцы обвиняли благожелательных либеральных родителей в создании благоприятных условий для возникновения феномена хиппи и молодежных протестных движений⁵².

Во многом, записка Палена намекает на неумение и неспособность правительства покончить с революционным и оппозиционным брожением. Некоторые современные исследователи стараются разбираться в сложностях правительственной политики подавления революционного движения. Американский исследователь Адам Улам признал трудное положение самодержавия в связи с беспрецедентным масштабом революционной деятельности, особенно, потому что революционеры постоянно набирали новых приверженцев среди молодежи и получали сочувствие и поддержку от определенных слоев общества. Улам предполагал, что правительство сделало большую ошибку через массовые аресты и долгое предварительное заключение сотен революционеров и совсем не смогло просчитать альтернативы своему выбранному курсу по проведению больших открытых политических процессов, гарантированных шокировать общество. «Это потребовало бы экстраординарной политической проницательности для царского правительства осознать, что лучше всего было бы ничего не делать ...к концу 1874 г., революционное народничество было похоронено под тяжестью его разрушенных иллюзий». Правительственная репрессивная политика гарантировала эскалацию революционного насилия среди народников на свободе и рост

⁵⁰ Пален 1875, 53-54.

⁵¹ Там же, 56.

⁵² Рокки 2025, 82.

сочувствия общества к молодым революционерам, особенно тем из них, кто из солидных семей⁵³. Между тем, правительство не могло мобилизовать консервативные элементы бороться с социалистами и либералами. Самодержавие всегда не доверяло всяким проявлениям гражданской инициативы, даже от самых лояльных элементов.

Неудивительно что самодержавие решило демонизировать народников. Так началось составление правительственного и консервативного эсхатологических нарративов о «Хождении в народ».

Заключение

Народническое «Хождение в народ» в 1874 г. являлось первым крупным политико-эсхатологическим движением в Российской империи. История революционного народничества в первой половине 1870-х гг. также является продолжением общеевропейских политико-эсхатологических движений, начиная во Французской революции 1789-1799 гг. Место народничества в истории европейских хилиастических движений редко исследуется. Также редко исследуются пересечение народничества с старообрядчеством и сектантством в пореформенной Российской империи и сталкивание в 1874 г. народнической эсхатологической революционной идеологии с массовым народным эсхатологическим ожиданием предстоящего царского «черного передела» земли.

При чтении исторических нарративов кажется, что молодые народники 1874 г., как и дети-крестоносцы 1212 г. стремились к совершению массового коллективного подвига во имя спасения и любви. По мнению британского исследователя Нормана Кона, главным делом в эсхатологических движениях является вопрос о спасении людей. Кон перечислил несколько общих спасительных аспектов хилиастических движений в средние века в Западной Европе. Приверженцы движений верят в коллективное спасение верных. Спасение будет земным, а не небесным, и спасение будет в ближайшее время, и придет внезапно. Да, и спасение превратит земную жизнь, потому что новая жизнь не будет простым улучшением, а будет совершенствованием жизни спасенных. Спасение будет чудесным, потому что будет совершено сверхъестественными силами. Кон подчеркивал, что имеются многие вариации в представлениях о сущности тысячелетия и о средствах к достижению нового века⁵⁴.

Народническое движение соответствовало многим критериям для того, чтобы считаться эсхатологическим движением. Вопрос о спасении людей доминировал в народничестве. Народники хотели спасать или освобождать крестьянство от эксплуатации, угнетения и несправедливости. Революционеры стремились спасти себя от

⁵³ Ulam 1977, 237-239.

⁵⁴ Cohn 1970, 13-14.

первородного греха привилегированного происхождения и искупить свой долг перед народом. Как написал Н.К. Михайловский, «Мы пришли к мысли, что мы — должники народа... Мы можем спорить о размерах долга, о способах его погашения, но долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем»⁵⁵. Народники хотели слиться с народом и, следовательно, они хотели очистить себя от всех грехов своего нечистого происхождения.

Участники «Хождения в народ» стремились к коллективному спасению народа, и они верили в скорое пришествие насильственной революции и в установление нового века на земле с окончательным разрушением неравенства и несправедливости. В чудесном спасении сверхъестественными силами народники заменили второе пришествие Иисуса Христа на восстание и победу народа-мессии. Да, и народники превращали себя в коллективного мессию трудящегося народа. Они считали себя избранными призывать народ к революции и окончательному преобразению России. По представлениям народников, российская революция могла демонстрировать европейцам, что пришло время для России показать другим странам, что такое настоящая социальная революция. Такая революция могла спасти России от ужасов капиталистического и либерального развития и ускорить пришествие нового века.

Вот почему мы можем считать «Хождение в народ» действительным политико-эсхатологическим движением. Рассмотрение того, как народническое движение становилось хилиастической сектой и как эта секта старалась ускорить приближение старого порядка и установление нового века, будет представлено в следующей статье.

Библиография

- Антонов, В.С. 1965. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов. *Общественное движение в пореформенной России; сборник статей*: 336-343. М.: Наука.
- Богучарский, В.Я. 1912. *Активное народничество семидесятых годов*. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых.
- Итенберг, Б.С. 1965. *Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века*. М.: Наука.
- Лавров, П.Л. 1907. *Народники—пропагандисты 1873-1878 годов*. СПб: Типография «Т-ва Андерсона и Лойцянского».
- Пален, К.К. Записка министра юстиции графа Палена: Успехи революционной пропаганды в России. Приложение. Дейч, Л. Г. 1925. *Социалистическое движение начала 70-х годов в России*. Ростов-на-Дону: Буревестник: 49-56.
- Рокки, Т. 2025. Народническое «Хождение в народ» 1874 г. и детский крестовый поход 1212 г.: общие элементы эсхатологического мифотворчества:

⁵⁵ Итенберг 1965, 110.

- введение к серии статей. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств* 12 (1): 64-89. URL: <http://ta.bsuedu.ru/ru/archive/240> (Дата обращения: 22.12.2025).
- Степняк-Кравчинский, С.М. 1987. *Подпольная Россия*. (1883). Комментарии Н.М. Пирумовой, М.И. Перпер. Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2-х томах. Том 1. Подпольная Россия. М.: Издательство «Художественная литература».
- Татищев, С. С. 1903. *Император Александр II: его жизнь и царствование*. 2 тома. СПб: Издание А. С. Суворина.
- Троицкий, Н.А. 1976. *Царские суды против революционной России. Политические процессы в 1871-1880 гг.* Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Троицкий, Н.А. 2001. За что я люблю народолюбцев. *Освободительное движение в России: межвузовый научный сборник. Вып. 19*: 120-122. URL: https://scepsis.net/library/id_719.html (Дата обращения: 22.12.2025).
- Троицкий, Н.А. 2002. *Крестonosцы социализма*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Тун, А. 1917. *История революционного движения в России*. Перевод с немецкого. Под редакцией и с примечаниями Л. Э. Шишко. Петроград: Типография П. П. Сойкина.
- Barruel, A. 1995. *Memoirs Illustrating the History of Jacobinism*. With an introduction by Stanley L. Jaki. Fraser MI: American Council on Economics and Society. Accessed on December 22, 2025. <https://archive.org/details/book-history-memoirs-illustrating-the-history-of-jacobinism-barruel/mode/2up>.
- Cohn, N.R. 1970. *The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages*. Rev. and expanded edition. New York: Oxford University Press.
- Ely, C.D. 2022. *Russian populism: a history*. London: New York: Bloomsbury Academic.
- Leroy-Beaulieu, A. 1893-1896. *The Empire of the Tsars and the Russians*. 3 vol. Translated from the third French edition. New York: G. P. Putnam's Sons. Part II. The Institutions, 1894.
- Rocchi, A. 1978. *Political trials in Imperial Russia under the reformed courts, 1864-1894*. London ON, Canada. (Unpublished master's thesis).
- Szamuely, T. 1988. *The Russian Tradition*. London: Fontana Paperbacks.
- Ulam A.B. 1977. *In the name of the people: prophets and conspirators in pre-revolutionary Russia*. New York: Viking Press.

References

- Antonov, V.S. K voprosu o social'nom sostave i chislennosti revoljucionerov 70-h godov. [The problem of the social composition and numbers of revolutionaries of the 1870s]. *Obshhestvennoe dvizhenie v poreformennoj Rossii; sbornik stat'ei*. [The movement of society in post-reform Russia: a collection of articles.] Moscow: Nauka: 336-343. (In Russian).
- Bogucharskij, V. Ja. 1912. *Aktivnoe narodnichestvo semidesjatyh godov*. [Active populism of the 1870s]. Moscow: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovyh. (In Russian).

- Itenberg, B.S. 1965. *Dvizhenie revoljucionnogo narodnichestva: narodnicheskie kruzhki i «hozhdenie v narod» v 70-h godax XIX veka*. [The movement of revolutionary populism: populist circles and the «Going to the People» in the 1870s]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Lavrov, P.L. 1907. *Narodniki-propagandisty 1873-1878*. [Populists-propagandists 1873-1878]. Saint Petersburg: Tipografija "T-va Andersona i Lojcanskogo". (In Russian).
- Palen, K.K. Zapiska ministra justicii grafa Palena: Uspehi revoljucionnoj propagandy v Rossii. Prilozhenie [The note of minister of justice Count Palen: The successes of revolutionary propaganda in Russia. Appendix]. Dejch, L. G. 1925. *Socialisticheskoe dvizhenie nachala 1870-h godov v Rossii*. [The socialist movement of the start of the 1870s in Russia]. Rostov-na-Donu: Burevestnik: 49-56. (In Russian).
- Rocchi, T. 2025. Narodnicheskoe «Khozhdenie v narod» 1874 g. i detskii krestovyi pokhod 1212 g.: obshchie elementy eskhatologicheskogo mifotvorchestva: vvedenie k serii stat'ei [The populist «Going to the People» of 1874 and the children's crusade of 1212: common elements of eschatological mythmaking: introduction to a series of articles]. *Tractus Aevorum: evoliutsiia sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv* 12 (1): 64-89. Accessed on December 22, 2025. <http://ta.bsuedu.ru/ru/archive/240>. (In Russian).
- Stepnjak-Kravchinskij, S.M. 1987. *Podpol'naja Rossiya* [Underground Russia] (1883). Commentaries by N. M. Pirumova and M. I. Perper. Stepnjak-Kravchinskij. Collected works in two volumes. Vol 1. Podpol'naja Rossiya [Underground Russia]. Moscow: Izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura». (In Russian).
- Tatishhev, S.S. 1903. *Imperator Aleksandr II: ego zhizn' i carstvovanie*. [Emperor Alexander II: his life and reign]. 2 toma [2 vol.]. Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina. (In Russian).
- Troickij, N.A. 1976. *Carskie sudy protiv revoljucionnoj Rossii. Politicheskie processy v 1871-1880 gg*. [Tsarist courts against revolutionary Russia. Political trials in 1871-1880]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).
- Troickij, N. A. 2001. Za chto ya ljublju narodovol'cev [Why I love the members of the People's Will] *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezvuzovyy nauchnyj sbornik* [The liberation movement in Russia: an inter-university academic collection] 19: 120-122. Accessed on December 22, 2025. https://scepsis.net/library/id_719.html. (In Russian).
- Troickij, N.A. 2002. *Krestonoscy socializma* [Crusaders of socialism]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian).
- Tun. A. 1917. *Istorija revoljucionnogo dvizhenija v Rossii*. [History of the revolutionary movement in Russia]. Perevod s nemeckogo. Pod redakcii i s primechanijami L. Je. Shishko. [Translated from the German. Edited by and with commentaries by L. Je. Shishko]. Petrograd: Tipografija P.P. Sojkina. (In Russian).
- Barruel, A. 1995. *Memoirs Illustrating the History of Jacobinism*. With an introduction by Stanley L. Jaki. Fraser MI: American Council on Economics and Society. Accessed on December 22, 2025. <https://archive.org/details/book-history-memoirs-illustrating-the-history-of-jacobinism-barruel/mode/2up>
- Cohn, N.R. 1970. *The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages*. Rev. and expanded edition. New York: Oxford University Press.

- Ely, C.D. 2022. *Russian populism: a history*. London: New York: Bloomsbury Academic.
- Leroy-Beaulieu, A. 1893-1896. *The Empire of the Tsars and the Russians*. 3 vol. Translated from the third French edition. New York: G. P. Putnam's Sons. Part II. The Institutions, 1894.
- Rocchi, A. 1978. *Political trials in Imperial Russia under the reformed courts, 1864-1894*. London ON, Canada. (Unpublished master's thesis).
- Ulam, A.B. 1977. *In the name of the people: prophets and conspirators in pre-revolutionary Russia*. New York: Viking Press.

Об авторе

Тони Рокки, бывший научный сотрудник Справочной библиотеки Торонто, магистр исторических наук, магистр библиотекovedения, 3A-130 Oriole Parkway, Toronto ON, Canada M5P 2G8, 1-416-488-4015. ORCID ID 0000 0002-5682-2949.

About the author

Tony Rocchi, Retired Librarian from Toronto Reference Library, Master of Arts (history specialization), Master of Library and Information Science, 3A-130 Oriole Parkway, Toronto ON, Canada M5P 2G8, 1-416-488-4015. ORCID ID 0000 0002-5682-2949.

Поступила в редакцию: 18.02.2026

Submitted: February 18, 2026

Принята к публикации: 04.03.2026

Accepted: March 4, 2026